

А. В. Лакирев

Шестоднев и современная апологетика

Введение

Библейский рассказ о сотворении мира, содержащийся в 1 и 2 главах книги Бытия и обычно называемый Шестодневом по числу упомянутых в нем дней творения, занимает совершенно исключительное место в контексте христианского Откровения. С одной стороны, этот текст является основой важнейших догматических представлений Церкви. В то же время, с другой стороны, он с древнейших времен был в центре внимания христианских апологетов и в наше время остается, быть может, одним из наиболее оспариваемых и критикуемых текстов. Все это говорит о том, что значение этого текста трудно переоценить.

Окончательная фиксация текста Шестоднева, как и в целом Пролога книги Бытия, произошла, по предположениям библейской науки, в XIII-XI вв. до нашей эры в результате сочетания т.наз. Яхвистической и Элохистической традиций, сохранивших значительно более древние устные предания, восходящие непосредственно к Моисею¹.

Сложность и образная насыщенность этого текста с глубокой древности сделали его предметом изучения и толкования, поскольку Шестоднев лежит в основе трех важнейших компонентов Богооткровенной религии. Именно в Шестодневе, по мнению дохристианских писателей, Отцов Церкви и современных экзегетов, задается своеобразная отправная точка библейской монотеистической теологии — веры в Единого Бога, открывающего Себя человеку. Не меньше значение Шестоднева как основы библейской антропологии. Представление человека о себе самом не может обойти фундаментальное Откровение о тварности человека. Наконец, представление о мире и его судьбе также находит себе в Шестодневе важнейший источник.

а. Место Шестоднева в общем контексте библейского Откровения

В общем контексте Библии рассказ о сотворении мира и человека тесно связан с центральным во всем Пятикнижии Откровением о единственности Бога, Творца неба и земли.

С точки зрения положительной (катафатической) библейской теологии именно Шестоднев лежит в основе веры в предвечность бытия Божия и трансцендентность Сущего.

Кроме того, сотворение мира оказывается первым действием Божиим, в котором человек познает попечение Творца о мире и человеке. Далее, сотворение мира — это такое действие Божие, в котором с исключительной силой раскрывается перед человеком всемогущество Творца. Именно поэтому Шестоднев находит отражение в величественных гимнах Ветхого Завета: Псалмах, 38-40 главах книги Иова, песни трех отроков в 3 главе книги Даниила, книге Премудрости Соломоновой и многих других. Именно факт сотворения мира имплицитно обосновывает право власти Всемогущего и в мире в целом, и в жизни каждого человека. Именно сотворение налагает на человека неотменимую и возвышенную ответственность перед Творцом.

в. Шестоднев в апологетическом и культурном контексте

і. Шестоднев на фоне языческих космогоний

Археологические и историко-культурные данные позволяют сопоставить Шестоднев с космогоническими представлениями древних народов, поскольку последние составляют идейный фон, своеобразный культурный контекст, в котором было дано Откровение.

С одной стороны, в Шестодневе священный автор пользуется выразительными средствами, в заметной степени подходящими на языческие мифы о происхождении мира. Как пишет игум. Иларион (Алфеев), «нельзя не отметить черт поразительного сходства между космогонией Библии и другими древними космогониями, например месопотамской и древнегреческой»². В XIX веке констатация этого сходства привела даже к появлению теорий, пытавшихся доказать заимствованное происхождение библейского рассказа, его полную зависимость от вавилонских сказаний.

В то же время есть ряд наиболее важных, сущностных особенностей зафиксированного в библейском рассказе Откровения, разительно выделяющих Шестоднев на общем фоне древних мифов. Свт. Василий Великий (329-379 гг.) говорил об авторах этих языческих космогоний, что «много книг о природе составлено было от еллинских мудрецов, но ни единое слово у них не осталось неизменным и непоколебленным... Ибо они, о Боге не ведавшие, не могли согласиться о том, что возникновение всецелого сущего упреждалось некой разумной причиной, а в соответствии с этим своим изначальным неведением заключали они и о прочем»³.

Основным характерным отличием Шестоднева от языческих космогоний является, таким образом, его строгий монотеизм, несопоставимый не только с политеизмом, но и с дуалистическими и пантеистическими представлениями древних. Монотеизм Библии, в том числе и Шестоднева, исходит из представления о полной иноприродности Бога и твари, отрицая языческие идеи о том, что материя так же вечна, как божество. Эту иноприродность, трансцендентность Бога подчеркивает свт. Феофил Антиохийский (2 в.): «Прежде всего пророки научили нас, что Бог все сотворил из ничего. Ибо ничто не совечно Богу...»⁴.

Характер библейского повествования подчеркнута противопоставит натуралистическим сказаниям древних о битвах богов, о порождающих их стихиях, решительно отвергая религиозный антропоморфизм. Если древние мифы наибольшее внимание уделяют как раз перипетиям отношений своих мнимых божеств, то в центре внимания Откровения — реальные события и священный автор никогда не пытается художественно изобразить невыразимое. В.Н. Лосский так объяснял это: «земля духовно центральна, потому что она — плоть человека, потому что человек — существо центральное... В центре Вселенной бьется сердце человека»⁵.

Огромный нравственный смысл имеют многократно повторенные слова Творца: «вот, хорошо весьма». Пожалуй, ни одному автору-язычнику такое и в голову бы прийти не могло. Однако вся динамика разворачивающихся перед нами событий и действие в них воли Вседержителя, несмотря на трагичность библейской истории, неявно, но ярко противопоставят языческому фатализму и пессимизму.

іі. Шестоднев на фоне неоязычества

В дальнейшем Шестоднев сохраняет актуальность как Откровение Божие, хотя, быть может, на первый план выходят несколько иные его аспекты. В первую очередь, в новое время наиболее остро воспринимается подразумеваемое в Шестодневе отрицание пантеизма. Центральное положение о воле Творца как единственной творящей мир силе вновь и вновь предостерегает человеческую мысль от отношения к человеку и его

сиюминутным интересам как к «мере всех вещей» и возвращает ее к Тому, кто «положил меру»⁶ земле.

iii. Шестоднев на фоне квазинаучного атеизма

Наконец, в XIX-XX веках Шестоднев стал объектом яростной и не всегда корректной, а порой и вовсе недостойной критики со стороны естествознания и тоталитарных идеологий. Причины этого выходят за рамки нашего рассмотрения, однако необходимо отметить, что критика эта в большой степени исходила, с одной стороны, из статической модели физического мира, полагавшей Вселенную вечной, безграничной и, в сущности, неизменной. Эта статическая модель устарела и была отвергнута с созданием теории относительности и представлений о расширяющейся Вселенной. С другой стороны, Шестоднев подвергнулся сомнению благодаря средневековому латинскому буквализму, приведшему к распространению идей о неизменности живых существ. Внебиблейское по своей сути, это учение было подвергнуто уничтожающей критике с появлением данных палеонтологии, а затем и с созданием теорий эволюции природы. Важно, однако, понимать, что предметом полемики было, строго говоря, не содержание библейского рассказа, а лишь наиболее одиозное его толкование. В настоящее время эта полемика скорее напоминает исторический курьез, но в ней, как в капле воды, отражается вся мировоззренческая значимость Шестоднева для человечества.

Характерные черты библейского рассказа о сотворении мира

Наиболее значимым (и, одновременно, наименее зависящим от литературных особенностей жанра) в Шестодневе является учение о Боге, о мире и о человеке.

а. Теология Шестоднева

i. Единственность Бога

Несомненно, главным Откровением о Боге, содержащимся в Шестодневе, является весть о Его Единственности. Потеряв в результате грехопадения возможность непосредственного общения с Единым, люди, по слову ап. Павла, «осутились в умствованиях»⁷ и это привело в конечном итоге к возникновению языческого политеизма. Последний, в сущности, является весьма приземленным, антропоморфным представлением о Незримом, проецирующим в религиозную сферу эмпирическое знание человека о собственной многочисленности. Слова первого стиха первой главы книги Бытия «В начале сотворил Бог небо и землю» твердо отвергают этот политеизм, и это — действительно первое и самое главное, что необходимо для жизни и, если так можно выразиться, для духовного здоровья человека.

Однако, как пишет игум. Иларион (Алфеев), «уже в Ветхом Завете мы встречаем намеки на множественность Лиц в Боге. Первый стих Библии — «В начале сотворил Бог небо и землю» — в еврейском тексте содержит слово «Бог» во множественном числе (Элохим), тогда как глагол «сотворил» стоит в единственном числе»⁸. Такое словоупотребление традиционно для Ветхого Завета. Оно, строго говоря, не предполагает множественности божеств, что было бы немислимо для Библии, но выражает веру в бесконечное превосходство Творца над ограниченностью твари.

В конце первой главы, повествуя о сотворении человека, священный автор вновь приоткрывает тайну Божественной природы, передавая слова Творца «сотворим человека...»⁹. Множественное число в этом выражении истолковывалось различно. Так, в иудейской (да и не только в иудейской) среде было распространено мнение, что эта слова Творца могли быть обращены к тварным нематериальным существам, бывшим свидетелями сотворения человека. Но «среди св. Отцов преобладает мнение, что в Шестодневе речь идет о внутритроицкой тайне, о «Троицком совете»¹⁰.

Единство Божие выражено, таким образом, в первую очередь в единстве Его воли и действия при сотворении мира, а также использованием слова «Элохим» — своеобразного библейского термина, множественным числом именующего Единого, но бесконечного и трансцендентного Бога.

ii. Трансцендентность Бога

Именно это превосходство Творца, Его непринадлежность и несоприродность этому миру являются вторым важнейшим компонентом теологии Шестоднева. Эта мысль выражена в том, что первый стих говорит о сотворении Богом всего мира, неба и земли. Поскольку далее говорится о «тверди небесной» и о разделении «воды, которая под твердью, от воды, которая над твердью»¹¹, ясно, что речь идет не столько о небосводе, сколько о некоторой неземной реальности, небе духовном. И эта реальность также по слову Шестоднева является тварной и имеющей начало, и она, пользуясь словами православного богослужения, «не может вместить Невместимого». Кроме того, слово о сотворении «в начале» означает в первую очередь безначальность Самого Творца, в корне отличающую Его природу от природы твари.

Таким образом, как пишет игум. Иларион (Алфеев), «тварное бытие иноприродно Богу: оно не является эманацией — проявлением или изливанием Божества, как это представляет пантеизм. Божественная сущность в процессе сотворения мира не претерпела никакого разделения или изменения: она не смешалась с тварью и не растворилась в ней»¹².

iii. Личность Бога

Повествуя о сотворении мира, священный автор говорит о Боге как о Личности. Только личность может иметь волю, выражающуюся в таких грандиозных деяниях, только личность может произнести «повеление утру»¹³, только личность, наконец, может оценить сотворенную реальность, говоря «хорошо весьма». В контексте древнего язычества, представлявшего божеств как личностей, пусть и весьма непривлекательных, человекоподобных, это Откровение о личности Бога, возможно, и не казалось таким удивительным. Однако в новое время, с распространением пантеизма и восточных представлений о божественном как о безликой силе, разлитой в мире, это слово приобрело совершенно исключительную остроту и актуальность. Сегодня одним из центров тяжести христианского свидетельства является не столько самый факт существования Бога, сколько именно Его личность.

iv. Всемогущество Бога.

Разительным отличием Единого, трансцендентного и личностного Бога от человека и антропоморфных порождений человеческих умствований является Его Всемогущество, о котором так ярко повествует Шестоднев. Одним лишь словом, одним выражением Своей воли Он приводит в бытие все великолепие мира: «ибо Он сказал, и они сделались, повелел, и сотворились»¹⁴.

Свт. Василий Великий призывает нас в красоте и величии твари увидеть отражение бесконечной красоты и могущества Творца: «восславим Сего Превосходнейшего Художника всей премудро и благоискусно устроенной твари. И из красоты всего видимого выведем понятие о Том, Кто превосходит Собою всякую красоту, а от величия сих воспринимаемых чувствами и конечных земных вещей заключим по подобию к бесконечному, величайшему и превышающему всякое разумение избытком силы Своей Существо»¹⁵.

С древнейших времен описанное в Шестодневе сотворение мира «словом Божиим» христианские авторы соотносили с Логосом, Единородным Сыном и Словом Божиим, связывая тем самым Шестоднев с прологом Евангелия от

Иоанна. Комментируя Шестоднев, свт. Феофил Антиохийский пишет: «Бог, имея Слово Свое в собственных недрах родил Его, проявив Его вместе с Своею Премудростью прежде всего. Слово сие Он имел исполнителем Своих творений и чрез Него все сотворил. Оно называется началом, потому что начальствует и владычествует над всем, что чрез Него создано»¹⁶.

Наконец, важно, что Шестоднев повествует о «происхождении неба и земли» как о непрерывном творческом действии Бога. Созданная тварь «безвидна и пуста», и только Божие повеление является силой, гармонизирующей мир и преодолевающей его неустроенность. Это, конечно, не только Откровение о всемогуществе Творца, но и источник упования для человека.

в. Космогония Шестоднева

Свойства мира, в котором Бог поселил человека, влияют на нашу жизнь, но еще более имеют для нас значение потому, что определяют позицию человека перед Творцом. Шестоднев говорит о некоторых существенных особенностях твари, избавляя человека от неразумного поклонения ей.

Важнейшим аспектом тварного мира является то, что он именно тварный. Это выражено в первую очередь словами о том, что «в начале сотворил Бог небо и землю». Как уже упоминалось выше, эти слова обозначают собою всю эмпирическую реальность, а не только область материального. Подтверждает это первый стих второй главы, говорящий: «Так совершены небо и земля и все воинство их» и утверждающий, тем самым, тварность и бесплотных сил.

Выражение «небо и земля» подразумевает тварность не просто небесной и материальной реальностей, но всего разнообразия мира. Как говорит свт. Василий Великий, «через эти две крайности (*небо и землю*) он таинственно обозначил существование всецелого мира... конечно, если что-либо помещалось между сими пределами, то оно вместе с ними и было сотворено»¹⁷.

i. Сотворение из ничего

Как уже указывалось выше, одним из ключевых аспектов Откровения является отрицание предвечности материи. Согласно библейскому рассказу, вечен только один Всемогущий, тварь же сотворена из ничего, или, выражаясь словами свт. Иоанна Златоуста, приведена «от небытия в бытие»¹⁸. Сам Шестоднев вообще не говорит о том, «из чего», из какого источника сотворен мир. Однако, во 2-й книге Маккавейской мы находим утверждение о том, что «все сотворил Бог из ничего»¹⁹, явно отражающее древнюю иудейскую устную традицию. Подразумевается сотворение мира из ничего и в том способе творения словом Божьим, о котором постоянно говорит Шестоднев.

Собственный опыт человека таков, что для него логически и психологически невозможно представить себе созидание чего бы то ни было не из предсуществующего материала. Для античной культуры именно этот факт сотворения из ничего оказался наиболее трудным. Как говорит свт. Василий Великий, «даже изрядно наторевшие во всем этом люди решили, будто Богу, Творцу всецелого сущего, совечен сей видимый мир, и тем самым возвели этот последний, конечный и наделенный вещественным телом, в ту же славу, которая подобает природе необъятной и невидимой»²⁰. Тем самым мы находим здесь имплицитное свидетельство божественности Откровения, коль скоро человеческий разум не в силах породить подобной мысли.

ii. Историчность мира

Из того, что тварь не со-вечна Богу, с очевидностью следует основополагающее свойство мира, которое открывается в Шестодневе, а именно то, что все, что имеет существование, имеет *начало*. Более того, по

словам блж. Августина, и самого времени не было до начала мира, ибо оно было создано вместе с миром²¹.

Это важнейшее утверждение, противостоит которому довольно мрачная мысль о бесконечной продолжительности времени. Эта идея была распространена в глубокой древности и выражалась в разнообразных языческих космогониях либо представлениями о бесконечной цикличности мира, либо бесконечной протяженности его во времени. Также популярна оказалась идея бесконечности осязаемой вселенной в пространстве и во времени в неязыческих материалистических представлениях XIX-XX веков. Этой пессимистической мысли противостоит твердое и ясное слово Шестоднева о том, что мир имеет начало, «берешит» по-еврейски или «ἀρχή» по-гречески.

Использованное переводчиками Септуагинты греческое выражение «Ἐν ἀρχῇ» подразумевает начало не только как отправную точку во времени, но и как некоторое формирующее начало. Достаточно вспомнить однокоренное греческое слово «архонт» — правитель в греческих полисах. Следовательно, начало, о котором говорит священный автор, это и временное, и функциональное, упорядочивающее начало мира. Кроме того, имеющий начало мир предстает нам не столько как статическая картина, сколько как развивающийся процесс, имеющий свою уникальную историю. В этой истории есть место возникновению нового, что радикально отличает библейское мировоззрение от языческого, лучше всего выражаемого максимой «ничто не ново под луной». Более того, поскольку в этой истории совершаются действия Божии, она имеет непреходящее значение для всей жизни человека.

iii. Постепенность усложнения мира

В начале своей истории сотворенный мир не таков, каким застает его человек: по выражению священного автора, «земля же была безвидна и пуста»²². Воля Божия изменяет мир, приводя к бытию все новые реалии, причем это усложнение происходит постепенно. Постепенность развития творения также является одним из его важнейших свойств.

Только воля Творца, как следует из библейского рассказа, поддерживает неизменность существования твари. Сама тварь не обладает качеством неизменности, говорит свт. Василий Великий: «Такова природа вещей возникающих: то всячески прибывает и умножается, то оскудевает и истощается, не обнаруживая собою ни малейшего постоянства или устойчивости. Но так ведь и следовало, чтобы тела животных и растений, как бы вливающиеся, в силу естественной необходимости, в некий поток и подхваченные движением, увлекающим их к возникновению или гибели, были объаты временем, естество которого, по свойствам своим, сродно всему изменчивому»²³. В позднем средневековье в Западной Европе возобладало представление о неизменности твари, разительно контрастирующее с этими словами свт. Василия. В самом Священном Писании мы также находим слова о изменчивости твари: «Самые стихии изменились, как в арфе звуки изменяют свой характер, всегда оставаясь теми же звуками; это можно усмотреть чрез тщательное наблюдение бывшего. Ибо земные животные переменялись в водяные, а плавающие в водах выходили на землю»²⁴. Не будь книга Премудрости Соломоновой, откуда взята эта цитата, отвергнута частью западных христиан за то, что сохранилась только в греческом, а не в древнееврейском варианте, эти слова заставили бы христианских буквалистов XIX века стать яркими сторонниками дарвинизма — и не было бы никаких «обезьяньих процессов».

Далее, принципиально важно для нашего представления об истории мира то, что возникающие в нем по воле Творца новые реалии следуют в определенном порядке одна за другой, от более простых (с человеческой точки зрения) к более сложным. Существенно, что использованное

священным автором еврейское слово «йом» (день, греческое ἡμέρα) в библейском словоупотреблении не обязательно означает 24 часа. Так, в 94 псалме сорокалетнее странствование избранного народа названо «днем искушения в пустыне»²⁵, а ап. Петр во 2-ом Послании говорит о том, что «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день»²⁶. Это дает нам возможность не настаивать на буквалистском понимании выражения Шестоднева, что, в свою очередь, исключительно важно с апологетической точки зрения. Постепенное усложнение происходит, таким образом, в некотором не вполне известном нам темпе, меру которому полагает Сам Творец.

iv. Гармоничность мира

Повествование Шестоднева о событиях, происходящих в каждый день творения, завершается словами: «и увидел Бог, что это хорошо». Весь же рассказ первой главы о сотворении мира завершается словами: «и вот, хорошо весьма». Констатируемая Творцом гармоничность мира не является очевидной с человеческой точки зрения, нам лишь отчасти дано ощутить красоту и совершенство Божьих творений. Поэтому так важно для нас, что со Своей точки зрения Создатель видит окончательное совершенство мира, войти в которое нам еще только предстоит.

v. Завершенность мира

Наконец, библейское повествование о сотворении мира, говоря о начале мира, тем самым до некоторой степени открывает перед человеком истину о его конечной судьбе, так как все, что имеет начало, должно иметь и завершение. Свт. Василий Великий говорит, что это важный компонент христианской веры: «Слова же *В начале сотворил Бог* суть предвозвещение догматов о скончании мира и новом творении, передаваемое нам здесь в виде кратком, в азах богодухновенной науки. Ведь то, что со временем начиналось, непременно должно завершиться во времени, и если имеет мир временное начало, то не усомнись и в его конце»²⁷. В сочетании с откровением о грядущем конце, завершении творения, констатируемое в Шестодневе совершенство твари (пусть и потенциальное в человеческих глазах) оказывается для человека источником непреходящей надежды и радости о Боге.

с. Антропология Шестоднева

Духовная и физическая жизнь человека неизбежно определяется тем, как он понимает самого себя. Вопрос о том, кто есть человек и для чего он живет на свете, во все времена был и остается самым острым. Поэтому так значимо для нас то, что Шестоднев говорит о нас самих.

Именно это важно в антропологии Шестоднева, и поэтому «технический» вопрос о материале, из которого мы «изготовлены», священный автор обходит, в сущности, молчанием. Его выражение «прах земной»²⁸, хотя и является наиболее известным, однако, далеко не «химический» термин. Септуагинта использует здесь слово γῆ, земля, обозначающее, как и в первой главе, простую материальность.

В полемике рубежа XIX-XX веков был популярен вопрос о том, насколько структурирован был этот «прах земной», то есть была ли это просто частица грунта или некое человекообразное существо (представитель семейства *Hominidae*). Текст Шестоднева не дает нам возможности обсуждать этот вопрос, не говоря об этом ничего. Однако нельзя не отметить, что такие авторитетные христиане 1-й половины XIX века, как преп. Серафим Саровский и свт. Феофан Затворник, старшие современники Ч. Дарвина, не знакомые с его книгой о происхождении человека, однозначно склонялись ко второй точке зрения. Строго говоря, вопрос этот, коль скоро сотворение

человека уже совершилось, представляет теперь чисто академический интерес.

Гораздо значимее для нас то, как древние переводчики, знакомые, возможно, и с устной традицией, переводят слова «и вдунул в лице его дыхание жизни». Септуагинта говорит здесь: καὶ ἐνεφύσησεν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ πνοὴν ζωῆς. Слово ἐνεεῖν имеет корень φύσης, природа, и означает, таким образом, творческое действие Создателя над природой творимого существа. Последнее делает, следовательно, этот прах земной иноприродным материи, выделяя его из природы как обладателя не только телесной, но и духовной сущности. Наконец, дыхание жизни не просто вносится в природу человека; греческое πρόσωπον, в большинстве современных языков переводимое как лицо, означает не только и не столько часть тела человека. В средние века, во времена христологических и тринитарных споров, его, как правило, переводили латинским словом persona, личность.

i. Человек как образ и подобие Божие

Слово Писания говорит о том, что человек появляется в мире не как игрушка слепых сил или случайных природных процессов, не как раб, обязанный кормить ленивых и самовлюбленных божеств, но потому, что воля Единого Бога вызвала его к жизни. По слову свт. Феофила Антиохийского, «ничто не совечно Богу, но будучи Сам Себе местом, ни в чем не нуждаясь и существуя прежде веков, Он восхотел создать человека, дабы им познаваем был, и для него-то предуготовил мир»²⁹. Кроме того, свт. Феофил замечает, что «словами «сотворим человека по образу и подобию Нашему» Бог... показывает достоинство человека»³⁰. Сотворенный Богом, человек получает центральное место в творении, становится его венцом.

Слова о том, что человек сотворен «по образу и подобию» Бога, в еврейском оригинале близки по значению, почти синонимичны. В греческом же тексте Септуагинты эти слова переданы как «κατ' εἰκόνα ἡμετέραν καὶ καθ' ὁμοίωσιν», то есть «как икону нашу и как подобие». Икона есть зримый образ незримого, ограниченный образ беспредельного и невещественного, которая являет нам нечто, не являясь при этом по природе сходной с открываемым. Так и человек призван быть живой иконой Бога в мире, не единосущным (ὁμοούσιον) Творцу, но подобным Ему в своем устроении. В первую очередь это подобие заключается в дарованной человеку личности, духовной сущности человека. Преп. Анастасий Синаит говорит об этом, что «сотворив Адама по образу и подобию Своему, Бог через вдунувание вложил в него благодать, просвещение и луч Всесвятого Духа»³¹. В связи с этим важно мнение свт. Григория Нисского, который рассматривает «образ» как то, что дано человеку от природы, а «подобие» как высший идеал, к которому человек должен стремиться³².

ii. Место и задача человека в мире

В повествовании о сотворении человека дважды говорится о том, для чего он сотворяется и поселяется в мире. В первой главе Бог говорит: «да владычествуют они... над всею землею»³³, а во второй главе сказано, что Бог «поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его»³⁴. Порученное человеку владычество над землей и всеми живущими на ней тварями является существенным аспектом его богоподобия. В греческом тексте Быт. 1:26 употреблен глагол «ἀρχεῖω» — предводительствовать, начальствовать, однокоренной слову «ἀρχή» (начало, евр. «берешит»), с которого начинается первая глава. Как воля Божия — гармонизирующее, созидательное начало этого мира, так и человек призван быть в нем таким гармонизирующим и созидательным началом. Эта функция человека — неотъемлемая часть замысла Божия, поэтому, по слову ап. Павла, «тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих»³⁵.

Передавая слова Создателя «плодитесь и размножайтесь, и *наполняйте* землю»³⁶, переводчики Септуагинты ставят в этом месте слова $\lambda\eta\rho\acute{\omega}\sigma\alpha\tau\epsilon\ \tau\acute{\eta}\nu\ \gamma\eta\nu$, используя тот же самый глагол, который передает слово Христа «не нарушить [*закон*] пришел Я, но *исполнить* [$\lambda\eta\rho\acute{\omega}\sigma\alpha\iota$]»³⁷. Поэтому слова «наполняйте землю» могут пониматься нами не только как повеление увеличивать число людей на земле, но как повеление «исполнить» смысл, предназначение всей твари.

Такова задача, которую ставит Бог перед человеком, определяющая и достоинство, и ответственность, и благо человека. Одновременно Творец дарует и источник жизни для человека, «древо жизни посреди рая»³⁸. Это древо жизни церковная традиция с древнейших времен соотносит со знаменем бесконечной любви Творца, с Крестом: «Рай другой познася Церковь, якоже прежде древо имущая живоносное, Крест Твой, Господи...(Церковь познается как новый рай, как и прежний, имеющая древо живоносное — Крест Твой, Господи)»³⁹, как пишет преп. Феодор Студит (759 — 826 гг.). Следовательно, порученное человеку владычество над всею землею должно осуществляться им постольку, поскольку источником его собственной жизни является любовь Всемогущего.

iii. Особенности устройства человека

Исполнению этой задачи подчинено и все устройство человека, о существенных чертах которого мы также узнаем в первых главах книги Бытия. В первую очередь это двуединая, духовно-телесная природа человека, о которой свт. Ириней Лионский (ок. 130 — 202 гг.) пишет: «мы состоим из тела, взятого от земли, и из души, получающей дух от Бога»⁴⁰. Именно эта двуединая природа делает человека своеобразным связующим звеном между Творцом и тварью.

Как уже было сказано выше, владычество ($\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\acute{\upsilon}\omega$) над землей для человека есть подобие Божественного владычества, поэтому оно не допускает насилия. Именно этим объясняется то, что в качестве пищи человеку предлагается «зелень травная», а не плоть и кровь сотворенных Богом существ, не «душа живая».

Сложность человеческой природы, призванной стать, подобно Богу, вместилищем любви и единения, отражается также в том, что «мужчину и женщину сотворил их»⁴¹. В полном противоречии с обычаями эпохи священный автор говорит не только о равном достоинстве мужчины и женщины, но и об их сущностном единстве. В греческом тексте Септуагинты в словах «когда он уснул, взял одно из ребр его»⁴² употреблено слово $\lambda\epsilon\upsilon\rho\acute{\omega}\nu$, которое переводится не столько как ребро, но, в первую очередь, как бок, сторона (в т.ч. фланг войска)⁴³. Мужчина и женщина являются, таким образом, двумя сторонами, аспектами человека, едиными в различии. Русский перевод еврейской версии этого места звучит так же: «и он уснул; и Он взял одну из его сторон...». Иудейский комментарий также говорит о том, что стоящее здесь слово по-древнееврейски может означать «ребро» или «грань, сторона»⁴⁴.

Наконец, к особенностям Божественного устройства человека также относится и место, в котором Бог поселил его. Рай «географически» определяется четырьмя реками, две из которых были хорошо известны в древности и могут быть легко идентифицированы на карте (Тигр и Евфрат), а две другие, напротив, совершенно не идентифицируются. Более того, в том районе, где протекают Тигр и Евфрат, нет никаких других сколько-нибудь заметных рек. Возможно, священный автор указывает здесь две таинственные реки намеренно, чтобы показать, что жизнь человека должна протекать и в земном, и в небесном измерениях.

Заключение

Таковы в общих чертах главные элементы Откровения, данного нам в первых главах книги Бытия. Ни с чем не сопоставимое в древности, оно и в наши дни остается важнейшим источником истины и противоядием против многообразных заблуждений.

К счастью, в начале XXI века уже нет необходимости подробно говорить о несостоятельности научно-атеистической критики Шестоднева. Гораздо важнее те удивительные иллюстрации, которые современная наука предлагает к библейскому рассказу.

Так, созданная на основе теории относительности теория Большого Взрыва и расширяющейся Вселенной говорит о том, что Вселенная имела начало. Время в физике связывается с однонаправленным процессом, которым является расширение Вселенной. До так называемого Большого Взрыва этот процесс не имел места и, следовательно, говорить о времени «до» этого момента некорректно с физической, а не только с богословской точки зрения. Эта теория предполагает, что «до» момента Взрыва (или, точнее говоря, «в» этот момент), вся масса Вселенной была сосредоточена в одной точке (т. наз. Первоатом) и не была структурирована («безвидна и пуста»). Существование же или несуществование вещества «до» Взрыва не может корректно обсуждаться в рамках науки.

Далее, первым событием истории Вселенной была, согласно современным представлениям, вспышка света. Именно этот свет, как полагают, регистрируется и по сей день как т. наз. реликтовое излучение.

С конца XVIII — начала XIX века, с развитием палеонтологии, в естествознании общепринятой стала мысль о том, что известный нам органический мир возник не сразу, но развивался постепенно, как и сообщает нам Писание.

Наконец, влияние человека на природу планеты стало столь сильным, что с удивительной наглядностью явило нам ту ответственность человека за тварный мир, которой наделил нас Творец.

С другой стороны, история последних столетий демонстрирует человеку всю пагубность религиозно-нравственного индифферентизма и, одновременно, бесплодность попыток построить внерелигиозную, безбожную этику.

Все это делает повествование о сотворении мира одним из самых ярких и важных в Откровении и для нашего времени.

Литература.

1. Септуагинта, Η Παλαια Διαθηκη, Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1979.
2. Пятикнижие Моисеево (Тора) с рус. переводом и комментарием, Иерусалим, 1978.
3. Блж. Августин, О книге Бытия, Творения, Киев, 1983-1895, ч. 7-8.
4. Свт. Василий Великий, Беседы на Шестоднев, в кн.: Творения, ч. 1, М., 1845, репринт: М., 1991.
5. Свт. Василий Великий, Гомилии на Шестоднев, пер. О.Е. Нестеровой, «Символ», № 6, Париж, 1996.
6. Свт. Григорий Нисский, Об устройении человека, Творения, М., 1861, ч. 1.
7. Игум. Иларион (Алфеев), Тайнство веры (Введение в православное догматическое богословие), Изд-во братства Свт. Тихона, М., 1996.
8. Свт. Ириней Лионский, Против ересей, III, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988.
9. Лосский В.Н., Догматическое богословие: Очерк мистического богословия Восточной Церкви. К., 1991.

10. Мень А., прот., Исагогика, М., Фонд имени А. Меня, 2000.
11. Свт. Феофил Антихийский, К Автолику, кн. II, в кн.: Ранние отцы Церкви, Брюссель, «Жизнь с Богом», 1988.

Примечания.

- ¹ Прот. А. Мень, *Исагогика*, I, § 16.
- ² Игум. Иларион (Алфеев), *Таинство веры*, стр. 60.
- ³ Василий Великий, *Первая гомилия на Шестоднев*, стр. 194, цит. по переводу О.Е. Нестеровой: Свт. Василий Великий, *Гомилии на Шестоднев*, «Символ», № 36, Париж, 1996.
- ⁴ Свт. Феофил Антиохийский, *К Автолику* кн. II, 10, стр. 475.
- ⁵ Лосский, *Догматическое богословие*, стр. 234-235.
- ⁶ Иов. 38:5.
- ⁷ Рим. 1:21.
- ⁸ Игум. Иларион (Алфеев), *ibid.*, стр. 39.
- ⁹ Быт. 1:26.
- ¹⁰ Прот. А. Мень, *ibid.*, § 17.
- ¹¹ Быт. 1:7.
- ¹² Игум. Иларион (Алфеев), *ibid.*, стр. 51.
- ¹³ Иов. 38:12.
- ¹⁴ Пс. 148:5.
- ¹⁵ Василий Великий, *ibid.*, стр. 205.
- ¹⁶ Свт. Феофил Антиохийский, *ibid.*, стр. 475.
- ¹⁷ Василий Великий, *ibid.*, стр. 200.
- ¹⁸ Анафора литургии свт. Иоанна Златоуста.
- ¹⁹ 2 Макк. 7:28.
- ²⁰ Василий Великий, *ibid.*, стр. 196.
- ²¹ Блж. Августин, *Исповедь*, XI, 13.
- ²² Быт. 1:2.
- ²³ Василий Великий, *ibid.*, стр. 1986.
- ²⁴ Прем. 19:17-18.
- ²⁵ Пс. 94:8.
- ²⁶ 2 Петр. 3:8.
- ²⁷ Василий Великий, *ibid.*, стр. 196.
- ²⁸ Быт. 2:7.
- ²⁹ Свт. Феофил Антиохийский, *ibid.*, стр. 475.
- ³⁰ Свт. Феофил Антиохийский, *ibid.*, стр. 483.
- ³¹ Преп. Анастасий Синаит, цит. по: Игум. Иларион, *ibid.*, стр. 67.
- ³² Свт. Григорий Нисский, *Об устройении человека*, XVI.
- ³³ Быт. 1:26.
- ³⁴ Быт. 2:15.
- ³⁵ Рим. 8:19.
- ³⁶ Быт. 1:28.
- ³⁷ Мф. 5:17.
- ³⁸ Быт. 2:9.
- ³⁹ Утренняя неделя 3-й Великого поста (Крестопоклонной), канон преп. Феодора Студита, песнь 5, троп. 4.
- ⁴⁰ Иринеи Лионский, *Против ересей*, III, 22, 1.
- ⁴¹ Быт. 1:27.
- ⁴² Быт. 2:21.
- ⁴³ Вейсман А.Д., *Греческо-русский словарь*, М., 1999 (репринт изд-я 1899 г.)
- ⁴⁴ *Пятикнижие*, Иерусалим, 1978, стр. 29.